

Помяни Господи
всех на месте сем
погребенных
в вере скончавшихся
православных
христиан

ПОЛЕ ПАМЯТИ В ВЯТСКОЙ тайге

В ВЕРХНЕКАМЬЕ ВОЗВРАЩАЮТ ИЗ ЗАБВЕНИЯ ИМЕНА
ПОСТРАДАВШИХ ЗА ВЕРУ

Одна из важных задач Русской Церкви сегодня — сохранение памяти новомучеников, исповедников и всех невинно пострадавших в годы большевистского террора. «Журнал Московской Патриархии» рассказывает, как ведется эта работа в Вятской епархии.

Открытый в феврале 1938 года в непроходимых кайских лесах один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей в системе Главного управления лагерей (ГУЛАГ) Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) оставил после себя множество массовых захоронений, которые долгие десятилетия были заброшены и забыты. Сегодня усилиями православных волонтеров-поисковиков имена узников лагеря возвращаются из небытия.

Найти могилу репрессированного деда

— Еще не так давно мы с супругом и не подозревали о существовании старинного города Кирс, а сегодня возвращаемся из него, наполненные покоем и светом удивительно добрых и неравнодушных людей. Эта поездка сложилась так легко, как будто ангелы передавали нас с рук на руки, — рассказывает Анна Тасмаева из Ижевска.

В Кирс Анну привели поиски места захоронения репрессированного и сосланного в Вятские лагеря двоюродного брата ее деда Степана Николаевича Третьякова. Просмотрев метрические книги, материалы переписи 1897 года, обратившись в архивный отдел администрации района, затем в архив республиканской Федеральной службы безопасности (ФСБ), она узнала, что в октябре 1937 года ее родственник был арестован и осужден тройкой Народного комиссариата внутренних дел на десять лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую деятельность. В архиве ФСБ Анну ознакомили с уголовным делом Третьякова.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Кировской области прислало архивную справку, из которой выяснилось, что Степан Николаевич прибыл в Вятлаг в марте 1938 года из тюрьмы города Глазова Удмуртской АССР, а умер в лазарете десятого отдельного лагерного пункта (ОЛП-10) от резкого истощения в марте 1943 года.

— Мне очень хотелось выяснить, где находится это место — ОЛП-10, а может быть, и побывать там на месте захоронения. И я снова принялась за поиски, — продолжает Анна. — В интернете на странице «ВКонтакте» храма Покрова Пресвятой Богородицы города Кирс Кировской области мне попался пост о паломнической трудовой экспедиции к местам захоронений узников лагерных пунктов Вятлага, в том числе и ОЛП-10 близ станции Фосфоритная. Я оставила комментарий к заметке, и мне ответила хранитель музея подвига и исповедничества в XX веке на земле Верхнекамья «Вятлаг» Алевтина Николаевна Телёпина. Она предложила поделиться информацией и документами о Степане Николаевиче. Оказалось, что в этом музее собирают любую информацию об узниках Вятлага, а также выпускают календари-синодики, где указаны дни памяти для молитвенного поминовения погибших. Кроме того, прихожане храма и волонтеры устанавливают информационные баннеры и поклонные кресты на местах захоронений узников, летом выезжают в эти места, поддерживают порядок. В этом музее очень ждут родственников узников Вятлага. Здесь всегда можно получить помощь и поддержку.

В июне этого года ижевчанка приехала в Кирс и установила поклонный крест Степану Николаевичу на месте захоронений ОЛП-10 близ станции Фосфоритная. Анна Тасмаева

Коллаж из документальных фотоматериалов об узниках Вятлага с крестом, установленным в память о жертвах лагеря (слева)

Волонтеры обозначают территорию кладбища табличками (справа)

Так выглядят
сегодня места
массовых
захоронений
Вятлага

не перестает благодарить местных жителей, которые ей помогли:

— В первую очередь мои слова признательности адресованы хранителю музея Алевтине Николаевне, без нее было бы очень сложно все организовать. Для меня она вдохновляющий пример того, как много может сделать один человек, и неважно, в каком месте он находится. Благодарю настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы города Кирс протоиерея

Люди, причастные к установке поклонных крестов на территории Вятлага, свидетельствуют о необычайной радости, которую они испытывают, хотя это дело сопровождается немалыми трудностями.

Александра Гаврилова за молитвенную помощь и панихиду. Также большое спасибо светлому и очень скромному жителю Андрею Геннадьевичу. На своей «ниве» он довез нас к месту захоронения, а потом и на Фосфоритную, сам устанавливал крест, мы лишь ему помогли. Я точно знаю, что наши предки хотят, чтобы мы

помнили о них, чтобы знали об их непростой жизни. Я думала, что установка креста будет логическим завершением моих поисков, точкой в этой семейной истории. Теперь я понимаю, что есть только многоточие... И обязательно будет продолжение.

Вспомнить поименно

До выхода на пенсию Алевтина Телёпина работала библиотекарем в местном техникуме и всегда интересовалась богатой историей Верхнекамья. Став прихожанкой Покровского храма в Кирсе, начала собирать информацию о жизни прихода в прежние времена, ходила в гости к бабушкам за рассказами. От них она узнала, что на окраине города есть захоронение погибших здесь во время Гражданской войны белогвардейцев, но оно никак не обозначено. Всем известен только памятник сложившим здесь голову бойцам Красной армии. Алевтина Николаевна задалась вопросом: почему память погибших белогвардейцев не увековечена?

— Я обратилась с этим же вопросом к священнику нашего храма отцу Анатолию Баталову. И он благословил меня самой установить поклонный крест. Оказалось, что это не так про-

сто: надо было найти деньги, мастеров, людей, которые помогут установить. Но Господь все устроил. Этот крест мы поставили в 2012 году, и он стал первым в здешних местах памятным знаком, рассказывающим о погибших здесь и не похороненных должным образом соотечественниках. Спустя пять лет в поселке Лесной, который был центром Вятлага, по благословению епископа Уржумского и Омутнинского Леонида (ныне епископ Тарусский, викарий Калужской епархии) наш приход установил первый крест жертвам этого трагического места.

Тему новомучеников Вятской земли одним из первых поднял Павел Ожегин, старший советник юстиции, который в 1990-е годы занимался пересмотром дел незаконно репрессированных советской властью жителей Кировской области. Особое внимание он обращал на пострадавших за веру священно- и церковнослужителей и мирян, о которых часто писал в «Вятском епархиальном вестнике». Его дело продолжил протоиерей Алексей Сухих, почетный житель города Вятские Поляны, краевед, автор серии книг памяти вятских новомучеников «Вспомним поименно». После трагической гибели отца Алексея в 2010 году владыка Леонид не дал прерваться этой серии, им были опубликованы первые сведения именно о вятлагских мучениках.

По его благословению начались и поисковые экспедиции. Первое погребение было найдено в 2017 году в поселке Сорда Верхнекамского района Кировской области, где находился лагпункт № 2. В этой работе огромную помощь оказали кировский поисково-спасательный отряд «Пересвет» и свечинский отряд «Взвод». До этого поисковики выезжали на места боев во время Великой Отечественной войны, теперь они с большим желанием помогают исследовать места лагерных погребений.

*Волонтеры
устанавливают
поклонный крест
с именами узников*

СПРАВКА

Вятский исправительно-трудовой лагерь был открыт в 1938 г. вдоль Гайно-Кайской железной дороги длиной более 60 километров. Его площадь составляла около 12 тысяч квадратных километров. Лагерь располагался в тайге и занимался масштабными лесозаготовками, для которых ему было выделено 552 тысячи гектаров тайги. Плановые объемы — не менее 700 тысяч кубометров древесины в год. Содержалось в нем в среднем около 15–20 тысяч заключенных. На протяжении 1938–1956 гг. через Вятлаг прошло около 100 тысяч человек. Более 18 тысяч умерло или погибло в лагере.

Условия проживания и труда были особо тяжелыми, поскольку лагерь находился в болотистой местности с высокой влажностью. Во время войны условия содержания узников резко ухудшились: в начале 1942 г. довольствие состояло только из крупы и муки. Рыбы, мяса, жиров, овощей и картофеля в лагере не было. В ноябре 1941 г. здесь умерли 389 человек, в декабре — 699, в январе 1942 г. — 1111 человек.

Около половины заключенных Вятлага — «враги народа» и «социально опасные элементы», осужденные по 58-й статье,

среди которых немало священнослужителей. С 1941 по 1947 г. здесь отбывал заключение архимандрит Павел (Груздев). Через Вятлаг прошли и философ Дмитрий Михайлович Панин, литераторы Доминик Иосифович Гольман, Юрий Владимирович Давыдов, поэт Борис Алексеевич Чичибабин; артисты и музыканты: японская актриса Ёсико Окада, Татьяна Кирилловна Окуневская, Рихо Эдуардович Петс, Павел Александрович Русаков (Поль Марсель, автор мелодии «Веселья час и боль разлуки»); адъютант маршала Г. К. Жукова генерал-лейтенант Леонид Михайлович Минюк; начальник строительства завода «Севмаш» в г. Северодвинске Иван Тарасович Кирилкин; один из авторов проекта Магнитки инженер-строитель Самуил Ефимович Изаксон; врачи-хирурги кандидаты медицинских наук Эдуард Иванович Кальмбах, Михаил Эдуардович Утцаль; заслуженный тренер СССР по футболу Александр Андреевич Келлер; лучший футболист страны Эдуард Анатольевич Стрельцов (чемпион СССР 1965 г., в составе советской сборной завоевал титул олимпийского чемпиона в 1956 г.) и многие другие.

Железными табличками с номером обозначали могилы узников Вятлага

Крест как символ молитвы за усопших

Тогда же владыка подключил к исследовательской работе прихожан Покровского храма в Кирсе, самой активной среди которых и стала Алевтина Телёпина. Она ездит в экспедиции, устанавливает поклонные кресты, информационные баннеры, рассказывающие о погребенных в этих местах людях и о располагавшемся здесь лагере. В 2020 году ее усилиями в крипте Покровского храма был открыт музей памяти.

— В основе экспозиции — подлинные вещи, которые мы нашли в ходе наших экспедиций, — объясняет Алевтина Николаевна. — Это фонари, колючая проволока, металлический столбик с захоронения. Есть скрипка, которую сделал заключенный. Самые ценные экспонаты — личные вещи, фотографии репрессированных священнослужителей. Около восьмидесяти человек, пострадавших в Вятлаге за веру, — священники, монахи. Четверо из них канонизированы: преподобноисповедник Рафаил (Шейченко), священномученики Петр Крестов, Леонид Виноградов и Павел Никольский. Это не просто мемориальная экспозиция — в ней представлено церковное осмысление мест погребений бывшего лагерного комплекса как Поля памяти пострадавших за веру. Многие здесь приняли смерть за верность Богу. Возвращаются из небытия имена замученных узников, не забыты их могилы, на которые мы устанавливаем кресты. Мы молимся об этих людях, они молятся о нас. Так земля Вятлага становится Полем памяти.

Созданием музея Вятлага Уржумская епархия делом отвечает определению Архиерейского собора 2011 года, призвавшего епархии, монастыри и приходы в сотрудничестве с государственными организациями, музейным сообществом и историками участвовать в открытии мемориальных досок, создании памятников, музеев и комплексов в местах служения, страдания, смерти и погребения новомучеников и исповедников... В то же время Церковь помнит не только прославленных ею святых, но и всех невинных жертв репрессий, призывая общество сохранять память об этих трагических страницах истории.

Террор — это поломка мира

Журналистка из Кирова Мария Ботева состоит в поисково-спасательном отряде «Пересвет». С 2018 года она ездит в Кирс и участвует в поисках лагерных захоронений.

— Ездить на раскопки я начала давно, — вспоминает Мария. — Это были вахты памяти на местах боев Великой Отечественной в Новгородской области. Впервые поехала, наверное, больше из интереса. Сначала увидеть человеческие кости — настоящие, а не пластмассовые, как где-нибудь в школе, — для меня было испытанием. Тем более что часто эти кости были в таком состоянии, что их было трудно отличить от земли. Мы сами видели (а не только могли прочесть в Библии), что Бог создал человека из праха земного, и телом возвратится он туда же. Это помогло немного примириться с тем, что видишь. Постепенно вытягиваешься, и тебе хочется откопать тело бойца, чтобы его можно было похоронить по-человечески. Однажды я услышала, что мои друзья из нашего поисково-спасательного отряда ездили в Верхнекамский район Кировской области и нашли там останки заключенных, умерших в Вятлаге. Мне захотелось в следующий раз присоединиться к ним, потому что тема репрессий, террора интересовала меня, я читала про людей, которые погибли или пострадали от преследования государства в 1930–1940-е годы: о Матвее Бронштейне, Данииле Хармсе и многих других.

Помню, был самый конец осени, уже выпал первый снег, когда мы поехали в Кирс. Там я познакомилась с Алевтиной Николаевной Телё-

пиной. Вместе с ней мы добрались до поселка Старцево. Оставили машину у трассы, а сами прошли немного вдоль рельсов — до железного покосившегося креста, какие часто можно встретить на кладбище. Это был знак, что где-то рядом можно искать останки. И действительно, мы нашли их неподалеку. По признакам рельефа (неглубокие параллельные канавки) сделали вывод, что тут лежат останки и других заключенных.

Видеть эти заброшенные могилы в лесу очень тяжело. Но когда на них появляются кресты, это место духовно перерождается. Люди, которые причастны к установке крестов, свидетельствуют о необычайной радости, которую они испытывают, хотя эта деятельность сопровождается немалыми трудностями. Мне кажется, что искать места захоронения заключенных очень важно, такие находки — как исправление неправильности мира. Я думаю, что гонения, а тем более террор, — это что-то из разряда искривлений, поломок мира, и мы должны исправить их, выпрямить, чтобы мир снова стал

таким, каким был задуман Творцом. И мне отменно, что и я могу принять в этом участие.

Вятская переправа

Большую работу по сбору и систематизации сведений о жертвах Вятлага и мучениках, пострадавших за веру на Вятской земле, ведет священник Андрей Лебедев, клирик Спасо-Преображенского женского монастыря города Кирова, член комиссии по канонизации святых Вятской епархии, координатор культурно-просветительского движения «Вятская переправа», которое занимается увековечиванием памяти новомучеников на всей Вятской земле.

В основе экспозиции музея Вятлага, открытого в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Курсе, — подлинные вещи, найденные в ходе экспедиций.

На сегодняшний день известно о 131 святом, шесть из которых включены в Собор Вятских святых. В ближайшее время планируется добавить туда еще 61. Все их имена и полный список репрессированных опубликованы на сайте «Вятская переправа».

— Ситуация, конечно, во многом меняется благодаря прессе, — уверен протоиерей Андрей Лебедев. — Как только начали писать об этом журналисты и люди узнали, что Вятлаг — это не только место ссылки осужденных, но и земля, на которой пострадали новомученики и исповедники Церкви Русской, мы смогли устроить в поселке Сорда часовню в честь

Экспонаты музея Вятлага. Личные вещи узников: епитрахиль, скуфья, дароносица (слева), ложка и кропило (справа)

*Музей Вятлага,
открытый при
Покровском храме
в Кирсе
06.02.2021 г.*

новомучеников в Вятлаге, открыть и музей. Сейчас наши местные паломнические службы обсуждают возможность организации поездок богомольцев в эти края. Также решается вопрос установки в храмах епархии, связанных со служением новомучеников, памятных табличек-скижалей. Сейчас особенно развивается

В мемориальной экспозиции музея представлено церковное осмысление мест погребений бывшего лагерного комплекса как Поля памяти пострадавших за веру.

внутренний туризм, многие приезжают посмотреть на храмы; установленные там скижалы станут мостиком к памяти о новомучениках.

Отец Андрей замечает, что сегодня в Церкви есть глубокое понимание необходимости почитания памяти новомучеников, но на приходском уровне эта работа все же мало где ведется.

— Мы пока не воспринимаем это одной из главных задач Церкви и прихода. Конечно, организация Церковно-общественных советов по примеру Московской епархии может поменять

ситуацию в отношении координации разрозненных усилий. Этому способствует и деятельность музея Бутовского полигона, в том числе их большой проект «Русская Голгофа», призванный объединить энтузиастов. Еще на Архиерейском Соборе 2011 года был принят очень важный и нужный документ «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших». И сегодня он не потерял своей актуальности. Другой вопрос, как мы стремимся его исполнять. Во многом это зависит от меры нашего послушания Церкви и понимания, насколько важно нам сейчас хранить память о подвиге новомучеников, почитать стойкость их веры и верность Христу. В этой связи нужно активизировать в епархиях и деятельность по прославлению новых святых. У нас, в Вятской митрополии, за последние два года прославлено три новых новомученика, и эта работа продолжается. Может быть, осознание в полной мере подвига новомучеников и исповедников поможет возродить и Церковь, и наши души...

Елена АЛЕКСЕЕВА

Протоиерей Кирилл Каледа, настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутове, председатель Комиссии по исследованию подвига новомучеников и исповедников и увековечиванию памяти почивших священнослужителей Московской епархии

Сохраняя память о жертвах террора, мы свидетельствуем о том, что для нас важен каждый человек

— Отец Кирилл, как вы оцениваете работу православных волонтеров и поисковиков в Вятской епархии?

— Безусловно, это очень важный пример и очень нужная инициатива. Нашлись православные энтузиасты, и слава Богу, они ведут колоссальную работу по поиску мест захоронений и их мемориализации. Пускай это, может быть, выглядит относительно просто — установка креста, баннера, памятной таблички, но это очень важно для сохранения памяти. Их опыт следует применять и в других епархиях.

В целом ситуация с такими захоронениями очень сложная. Кладбища, которые были рядом с исправительно-трудовыми лагерями, брошены. Они разбросаны по всей стране — в Иркутской, Кировской, Вологодской областях, в Пермском крае, мы не имеем их общего перечня. Лагерь занимались лесозаготовками и, отработав очередную деланку, перемещались дальше, бросая территории вместе с кладбищами, где были похоронены узники. О них вообще забывали. И сегодня бывает достаточно сложно найти места таких захоронений и сохранить их, тем более что законодательно это никак не урегулировано.

— Вы не раз говорили о том, что в нашем законодательстве нет четкого определения понятия «место массового захоронения», следовательно, нет регламентации, каким образом эти места должны быть установлены, обустроены и каким образом должны защищаться. Не прописано, какие госструктуры должны заниматься этими вопросами и за счет каких средств.

— У нас есть государственная концепция по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, где сказано, что эти места нужно сохранять. И более того, Президентом РФ Владимиром Путиным в январе 2020 года было дано поручение Государственной Думе рассмотреть вопрос о необходимости законодательно определить понятие «место массовых захоронений» и предусмотреть регу-

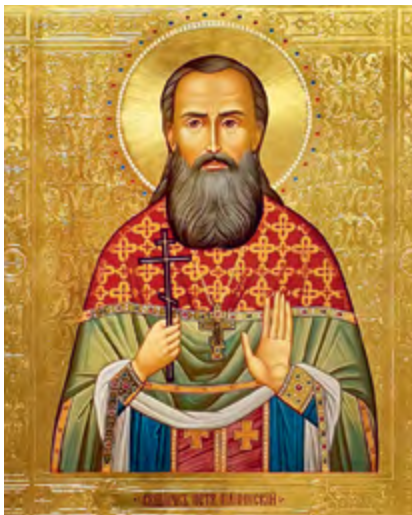

лирование деятельности по выявлению и благоустройству мест массовых захоронений жертв политических репрессий. Срок исполнения поручения — до 1 июля 2020 года. К сожалению, сделано в этом направлении очень мало, но тем не менее этот вопрос поднимался на самом высоком уровне.

За поручением президента последовала переписка между соответствующим комитетом Государственной Думы и правительственными структурами, которые должны за это отвечать, но она пока ни к чему не привела. Кто-то, видимо, считает, что все у нас хорошо в этом вопросе и можно решить все проблемы с помощью существующих законодательных актов. Но это не так. Когда-то для сохранения воинских кладбищ был издан специальный закон. Такой же закон должен быть принят и относительно мест захоронения жертв политических репрессий, если мы хотим быть последовательными.

Чаще всего территории таких захоронений находятся в лесном фонде и отданы на разработку частным компаниям. И все зависит от того, как конкретные люди, которые оказались во главе управления этими лесными массивами, относятся к памяти узников лагерей. Слава Богу, что в Кировской и Вологодской областях, где ведется серьезная поисковая работа, у руководителей лесных хозяйств есть понимание важности сохранения таких захоронений. С другой стороны, не все директора таких предприятий понимают, что если не установить и не обозначить конкретные места захоронений, то могут быть снесены

Сщмч. Петр Панинский. Икона из Пятницкого храма с. Панино Спасского района Рязанской области, где служил отец Петр. Бывший узником Вятлага, он причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских как священномученик в 2002 г. (слева)

Сщмч. Павел Никольский. Лагерное фото (справа)

и уничтожены навсегда последние следы и артефакты, свидетельствующие о том, что здесь находится кладбище заключенных. Известны случаи конфликтов, доходивших в некоторых регионах вплоть до судебных разбирательств между лесными хозяйствами и волонтерами, которые пытались сохранять места захоронений, несмотря на протесты компаний.

— Если бы выявленные места массовых захоронений выводились из лесного фонда, было бы легче сделать их мемориалами?

— Нет, решение должно приниматься с учетом каждого конкретного случая. Памятники истории и культуры могут находиться в хозяйственном пользовании или даже во владении разных структур, не обязательно государственных. Они могут быть и в частном пользовании. Но если вы, как частное лицо, владеете каким-то памятником истории, то вы должны нести ответственность за его сохранность. Если бы это было обозначено законодательно относительно мест массовых захоронений, то соответствующие предприятия должны были бы прилагать усилия для сохранения этих мест и соответствующим образом вести свою хозяйственную деятельность. Но, к сожалению, сейчас нет такой структуры, которая взяла бы на себя уход за всеми местами массовых захоронений.

По закону местные органы власти должны вести их учет, но этого не делается, потому что систематизация требует больших финансовых средств и людских ресурсов. Даже просто поставить эти территории, которые нередко занимают очень большие площади, на кадастровый учет стоит немалых денег. Все эти вопросы необходимо решать.

— Вы неоднократно говорили, что необходимо создать общероссийский реестр мест массовых захоронений.

— Мы сейчас заканчиваем работу над созданием интерактивной карты мест захоронений периода Большого террора 1937–1938 годов. Хотя проект осуществляется на средства Фонда президентских грантов, то есть почти на государственные деньги, но является инициативой прихода храма Новомучеников и исповедников Российских в Бутове. По большому счету это должно решаться на другом уровне: государственными структурами, историческими институтами, музеями. Надо отдать должное Государственному музею истории ГУЛАГа, который ведет большую работу не только в Москве, но и в других регионах по сохранению таких мест. Если осознать, какое огромное количество мест массовых захоронений существует в России, то для их выявления и описания необходимо привлечение серьезных научных коллективов.

— Церковь сегодня активнее государства занимается выявлением мест захоронений и увековечиванием памяти погибших узников лагерей. Насколько для верующих важен опыт такого служения?

— Подобный опыт необходим. И хорошо, что инициатива исходит от людей на различных уровнях. Есть архиереи, которые серьезно к этому относятся и пытаются что-то предпринимать. И есть инициатива прихожан, которые ставят вопросы по этой теме перед священноначалием, просят помощи. Сохраняя память о жертвах террора, мы свидетельствуем о том, что для нас важен каждый человек, который жил до нас. Любой имеет право на достойное погребение, а люди, погибшие в лагерях, не были похоронены по-человечески, и мы сейчас это пытаемся исправить. Для нас, христиан, также важно, что мы сохраняем память о наших предках, молимся о них, чтобы Господь упокоил их в Царствии Небесном. Сохраняя места их упокоения, мы свидетельствуем о нашей вере во всеобщее воскресение.